

12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право;
международное частное право

О ПРОБЕЛАХ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ (В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

Аннотация. В статье обосновывается суждение о том, что в гражданском праве проблема отсутствия общего понятия экономической деятельности отчасти «компенсирована» правовыми позициями Конституционного Суда России; в гражданском же законодательстве игнорирование дефиниции «экономическая деятельность» можно охарактеризовать как пробел в правовом регулировании.

Ключевые слова: пробел, законодательство, суд, Конституционный Суд, закон, законодатель, категория, право, права, экономическая деятельность, предпринимательская деятельность, отношения, принципы, аналогия, регулирование.

PONOMAR Svetlana Panteleevna,
candidate of political Sciences, associate

GAPS IN CIVIL LEGISLATION (IN THE CONTEXT OF THE STUDY OF ECONOMIC ACTIVITIES)

Abstract. The article substantiates the idea that in civil law the problem of lack of the general concepts of economic activities partly offset by the legal positions of the constitutional Court of Russia; in civil law, the disregard of the definition of «economic activity» can be described as a gap in legal regulation.

Keywords: space, law, court, constitutional Court, law, legislator, category, right, rights, economic activities, entrepreneurial activity, attitudes, principles, analogy, regulation.

Изучение цивилистической литературы позволяет утверждать, что недостатка в *пробелах* (или, точнее, в тех феноменах, которые цивилисты характеризуют как *пробелы*) не наблюдается. Характеризуя примеры «пробелов» (целесообразность такого условного употребления этого термина будет нами обоснована в дальнейшем) в гражданском законодательстве, исследователи, например, пишут о том, что «ч. 1 ст. 150 ГК РФ называет нематериальным благом доброе имя, но говорит в этой связи лишь о чести, достоинстве и деловой репутации, что, безусловно, сказывается на защите доброго имени в суде и осуществлении права на него в обычной жизни. Данное обстоятельство мы считаем *пробелом*, который

должен быть восполнен законодателем» [23, с. 40–42].

Важно отметить, что эти авторы убеждены в том, что «ГК РФ не может содержать таких определений: это – задача юридической доктрины и отчасти правоприменителя» [23, с. 40–42]. Возьмем на себя смелость согласиться с данным утверждением в той его части, что не всегда все *категории* может «вместить в себя» гражданское законодательство; особенно такая нецелесообразность становится очевидной в том случае, если *категория* находится в стадии своего становления, лишь наполняется юридическим содержанием. Очевидно, что к числу таких *категорий* можно отнести изучаемую в настоящем исследовании *экономическую дея-*

тельность, которая в юридическом аспекте формируется во многом на основе актов судебной практики. Такая ситуация не является единичной; например, «институт банкротства наследственной массы был введен законодательно; но даже в ситуации пробела в законодательстве судебная практика могла бы многое сделать для обеспечения баланса интересов кредиторов и наследников» [21, с. 74–81].

Какие последствия цивилисты связывают с наличием пробелов в гражданском законодательстве? Так, например, «в сфере регулирования градостроительной деятельности... пробелы законодательства способствуют: нарушению прав граждан, участвующих в долевом строительстве многоквартирных домов; осуществлению самовольного строительства застройщиками, строящими многоквартирные дома; созданию условий, способствующих совершению административных правонарушений и преступлений и т.д.» [7, с. 59–62]. Многие цивилисты утверждают, что пробелы в гражданском законодательстве «способствуют совершению противоправных деяний» [12, с. 7–9].

В этом плане «пробелы» (впрочем, иногда мнимые пробелы) в гражданском праве не имеют, как правило, столь негативного характера. Цивилисты нередко предлагают руководствоваться сугубо формальным юридическим подходом: «...само по себе гражданское право беспробельно» [14, с. 85–95], поскольку, действительно, согласно ГК РФ, при отсутствии правовых норм, регулирующих гражданские отношения, к этим отношениям подлежат применению нормы права, регулирующие сходные отношения (аналогия закона), либо отношения регламентируются исходя из общих принципов и смысла гражданского законодательства (аналогия права).

В этом плане И.Ж. Кожокарь справедливо отмечает, что «термин «пробел» крайне популярен в цивилистической литературе, но он используется чаще всего в самом широком значении «любых недостатков, недочетов, просчетов, недосмотра законодателей» и просто в случаях, когда какое-либо регулирование не устраивает исследователя. Так, видят пробел в том, что

кредитору не предоставлено право на одностороннее досудебное расторжение договора с должником по потребительскому кредиту» [14, с. 85–95], что он «нарушает соблюдение баланса интересов сторон» [32, с. 19].

Однако, по мнению И.Ж. Кожокарь, никакого пробела закона «здесь нет – это принципиальная позиция законодателя о недопустимости одностороннего отказа от договора со стороны предпринимателя в отношениях с не предпринимателями, с учетом экономической и юридической слабости последних. Но даже если бы в этой ситуации и констатировалось нарушение баланса прав и обязанностей сторон, то следовало бы говорить о наличии соответствующего дефекта юридических средств, а не пробела закона» [14, с. 85–95].

В этом плане в цивилистической литературе отмечается, что при использовании аналогии закона и аналогии права «правоприменитель осуществляет в некотором роде и правотворческие функции. Но при этом важно не допустить подмены законодателя. Необходимо признать, что не все пробелы в праве могут быть преодолены с помощью аналогии закона и аналогии права» [4, с. 27]. На это обстоятельство указал и Конституционный Суд России в Постановлении от 27 июня 2012 г. № 15-П: «...принимая во внимание специфику данного правового института, не позволяющую распространить на регулируемые им отношения действующее законодательство в части, предусматривающей ограничения гражданской дееспособности, используя, в том числе, аналогию закона или права» [27]. Как утверждают многие цивилисты, «такого рода пробелы могут быть восполнены только законодателем» [4, с. 28].

Итак, является ли отсутствие дефиниции «экономическая деятельность» пробелом в гражданском праве или гражданском законодательстве? Если это пробел, то может ли он быть восполнен (или частично компенсирован) правовыми позициями судов?

Для ответа на эти вопросы обратимся к анализу в целом справедливой позиции, согласно которой «теоретическое исследо-

вание пробелов в гражданском законодательстве должно идти, прежде всего, по пути их отграничения от смежных, необоснованно смешиваемых с ними явлений. От реальных пробелов следует отличать мнимый пробел – пробел, возникший, созданный искусственно, надуманный. Он существует, прежде всего, в сознании субъектов, когда возникает иллюзия необходимости урегулирования тех или иных общественных отношений, хотя на самом деле такая потребность отсутствует» [11, с. 33–37]. Так, например, долгое время считалось, что ст. 426 ГК РФ содержит пробел, не допускающий заключения публичного договора со стороны индивидуальных предпринимателей, поскольку он определялся как «договор, заключенный коммерческой организацией». Однако такой пробел является мнимым, поскольку, согласно п. 3 ст. 23 ГК РФ, к предпринимательской деятельности граждан, осуществляемой без образования юридического лица, применяются правила ГК РФ, которые регулируют деятельность коммерческих организаций... Вместе с тем этот «пробел» под давлением доктрины и правоприменения в ходе совершенствования ГК РФ все же был устранен [14, с. 85–95].

Предположим, что в анализируемом нами случае имеет место мнимый пробел; однако понятие экономической деятельности отсутствует и в ГК РФ, и в других нормативных правовых актах. Согласно ч. 2 ст. 6 ГК РФ, при невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости.

Практическое применение гражданского законодательства по аналогии является, как утверждают многие авторы, «законным и эффективным средством исключения пробелов в правовом регулировании и в конечном счете защиты интересов участников соответствующих правоотношений. Действительно, допустимость аналогии позволяет гражданам и юридическим лицам, не боясь правового вакуума, совершать действия, порождающие права и обя-

занности, даже в случаях, когда это прямо не предусмотрено законом» [18, с. 69–71]. Как считает В.Ф. Яковлев, аналогия в гражданском праве служит еще и средством углубления правонаделительного характера гражданско-правового регулирования [35, с. 105].

По мнению А.В. Смирнова, если отдельные отношения, возникающие в процессе правоприменения, «прямо не урегулированы нормами закона, то при определенных условиях обычно допускается применение аналогии закона или аналогии права. Аналогия закона может иметь место тогда, когда на неурегулированное отношение распространяется действие законодательной нормы, регулирующей сходное правоотношение. Аналогия права используется, когда для урегулирования возникающих в процессе отношений непосредственно применяются общие начала и принципы уголовно-процессуального, конституционного и международного права» [33].

В сфере нашего исследования вопрос о возможности применения в отношении категории «экономическая деятельность» («неурегулированное отношение») законодательной нормы, регулирующей сходное правоотношение («предпринимательская деятельность»), в принципе может быть, разумеется, поставлен, ибо правовые позиции Конституционного Суда указывают, что эта деятельность также имеет рискованный характер. Так, согласно позиции этого Суда, «при оценке ситуаций, связанных с необходимостью социальных предостережений для лиц, добровольно принявших на себя риски, связанные с участием в предпринимательской и иной экономической деятельности, Конституционный Суд Российской Федерации ранее обоснованно исходил из того, что такие лица самостоятельно принимают на себя бремя заботы о собственном благополучии, в силу которого они несут и связанные с этой деятельностью экономические риски, вследствие чего государство не связано безусловной обязанностью установления для них тех или иных гарантий социальной защиты, но должно предоставлять государственную социальную помощь лицам, ока-

завшимся в трудной жизненной ситуации, в том числе в результате неэффективного ведения собственной экономической деятельности» [25].

Однако аналогия закона в этом случае носит не столь очевидный характер, и Конституционный Суд обращает внимание на это обстоятельство: «...предпринимательская деятельность представляет собой самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, цель которой – систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Деятельность акционеров не является предпринимательской (она относится к иной не запрещенной законом экономической деятельности), однако и она влечет за собой определенные экономические риски, поскольку само акционерное общество осуществляет» [24]. Аналогичного рода «разграничение» имеет место и применительно к другим субъектам отношений, регулируемым гражданским правом (например, участникам общества с ограниченной ответственностью) [26].

Таким образом, мы должны руководствоваться принципом аналогии гражданского права, ибо в тех же случаях, когда использование аналогии закона невозможно ввиду того, что данные отношения не имеют сходных отношений, урегулированных гражданским правом, к ним применяется аналогия права (общие начала и общий смысл гражданского законодательства, т.е. принципы гражданского права). Причем некоторые цивилисты считают, что «применение аналогии права есть прямое применение принципов гражданского права» [1, с. 23].

По их мнению, «будучи нормами права, принципы выполняют регулятивную функцию, т.е. непосредственно регулируют общественные отношения. В частности, принципы гражданского права применяются, если есть пробелы в гражданском законодательстве и возникает необходимость в применении аналогии права. Согласно п. 2 ст. 6 ГК РФ, при невозможности

использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости» [2, с. 43].

В целом в науке гражданского права принципы характеризуют как определенные «исходные начала, важные для понимания юридической сущности всякой крупной области права, способствующие совершенствованию правового регулирования в этой области и облегчающие правоприменительную деятельность, особенно при наличии пробелов в законах» [2; 30, с. 20]. Как писал Е.В. Васьковский, «принцип служит и целью, ради достижения которой создана норма, и мотивом, побудившим законодателя создать ее, и, наконец, источником, из которого почерпнуто ее содержание» [8, с. 224]. По мнению С.Н. Братуся, под принципами следует понимать «ведущее начало, закон данного движения материи или общества, а также явлений, включенных в ту или иную форму движения» [6, с. 135].

В литературе, как правило, выделяют такие принципы, как принцип защиты конкуренции и пресечения монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, устанавливаемый в целях эффективного развития экономической деятельности [2, с. 53]. Однако в довольно редких случаях эти принципы соотносят с анализируемой гражданско-правовой категорией. Например, некоторые авторы отмечают, что «экономическая деятельность все же должна быть регулируемой, несмотря на общий принцип свободы» [10, с. 4–10].

В этом контексте Конституционный Суд России приходит к выводу, что свобода экономической деятельности по смыслу Конституции Российской Федерации предполагает прежде всего свободу предпринимательства, которая представляет собой универсальный (интегрированный) конституционно-правовой принцип, объединяющий несколько относительно самостоятельных принципов правового регулирования отношений в сфере предпринимательской деятельности (принцип свободы договора, общедозволительный прин-

цип, принцип свободы конкуренции и др.) [20].

Выскажем также суждение о том, что отсутствие дефиниции «экономическая деятельность» вряд ли является мнимым пробелом в гражданском законодательстве. В целом «пробел не всегда просчет законодателя. Иногда пробельность (ее именуют последующей) вызвана появлением новых отношений, которые хотя и охватываются правом, но в деталях не могли быть предусмотрены законодателем» [5, с. 7–9].

В числе основных причин появления мнимых пробелов в гражданском праве исследователи называют «большой нормативно-правовой массив, объективная невозможность сопоставить все нюансы разрозненного регулирования и субъективная ограниченность знаний о закономерностях развития правовой материи и юридической практики» [14, с. 85–95].

Такого рода позиции в целом являются обоснованными и позволяют утверждать, что пробел в части четкого юридического определения понятия и сущности экономической деятельности не носит мнимого характера.

Мы также разделяем имеющее место в цивилистической литературе мнение, согласно которому ГК РФ понимается как экономическая Конституция нашей страны [19]. Действительно, в российском праве этот термин явно приобретает «гражданско-правовое звучание», смысл которого заключается в придании ГК РФ титула экономической Конституции [16].

Очевидно, что экономическая Конституция должна фиксировать и экономические права; однако, по непонятным для многих цивилистов причинам, соответствующее правовое регулирование в ГК РФ не носит четкого характера. Таким образом, мы можем руководствоваться общеправовыми принципами, согласно которым гражданское законодательство развивает, детализирует, обеспечивает реальное действие конституционных норм.

Во второй главе Конституции России можно обнаружить права и свободы, которые характеризуют как экономические права и свободы человека и гражданина.

Подавляющее большинство исследователей сходятся в том, что к таким правам относится право собственности, включая собственность на недвижимое имущество и землю (ст. 8, 34–36), на свободу передвижения и выбора места пребывания, на свободу выбора рода деятельности, включая право на занятие предпринимательской деятельностью (ст. 27, 34, 37 российской Конституции).

Однако проблема в том, что Конституция не использует термин «экономические права», и, следовательно, многие авторы начинают фактически расширять этот перечень. Так, например, к нормам, регулирующим экономические права, они относят «ряд положений Конституции России (ст. 75, 104, 106, 114 Конституции)», которые «направлены на минимизацию издержек популизма (прежде всего, в части денежной политики, бюджета и бюджетных отношений), на утверждение более ответственного отношения к процедуре принятия законов, относящихся в особенности к бюджетно-финансовым вопросам» [31, с. 6–8].

Распространено утверждение о том, что экономические права являются подсистемой в общей системе прав и свобод человека и гражданина; их предлагается рассматривать как закрепленный и гарантированный Конституцией России комплекс юридических возможностей в экономической сфере, позволяющих человеку и гражданину участвовать в функционировании экономической системы Российской Федерации [34, с. 7].

Вместе с тем в доктрине гражданского права в отношении перечня экономических прав отсутствует единство позиций. Наиболее часто к экономическим правам и свободам относят право собственности, право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной экономической деятельности, право на свободный труд [3, с. 26–31].

Является ли этот перечень исчерпывающим? Мы убеждены в том, что гражданское законодательство может, в том числе, в зависимости от конкретной динамики развития общественных отношений детализировать анализируемые права. Аргументировать это суждение можно на осно-

вании обращения к ч. 1 ст. 55 Конституции России («перечисление в Конституции Российской Федерации основных *прав* и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных *прав* и свобод человека и гражданина) и на основании носящей по отношению к ней «корреспондирующий» характер ст. 2 ГК РФ.

Анализ этой нормы (ст. 2 ГК РФ) позволяет нам предпринять попытку обосновать утверждения, что гражданское законодательство:

– регулирует отношения, перечень которых дополняется (например, с 2012 г. это уже, в том числе, *отношения*, «связанные с участием в корпоративных организациях»);

– не ограничивает в контексте перспективных изменений этот перечень («регулирует... также другие имущественные и личные неимущественные отношения»).

Таким образом, «открытость» российской Конституции к изменениям тем более не может не обуславливать и соответствующую динамику в гражданском законодательстве. Так, ученые отмечают, что «обращение к проблемам «экономической Конституции» позволяет констатировать, что с поступательным развитием общества актуальность исследования этой проблемы будет только возрастать, и она всегда будет предметом острой дискуссии, потому что все еще не найдена оптимальная формула соотношения *права* и экономики... До настоящего времени «не найдена» и модель российской экономической системы: нам еще предстоит поиск ответа на вопросы о «готовности» россиян к «жесткой» рыночной системе, о реальной оценке населением «капиталистической модели хозяйствования», о степени вмешательства государства в регулирование экономических процессов» [22, с. 64–76].

Мы полагаем, что такой подход соответствует и международной практике фиксации экономических *прав*. Так, например, Конвенция о защите *прав* человека и основных свобод также не содержит перечня экономических *прав* [15]. Некоторые авторы утверждают, что, в частности, ст. 1

Протокола № 1 к Конвенции вообще защищает только *право* собственности [9, с. 99–103]. Статья 1 Протокола № 1 относится лишь к тем *правам* и обязанностям физических и юридических лиц, которые по своей сути являются частными, носят гражданско-правовой характер. Частные лица имеют *право* беспрепятственно пользоваться своей собственностью. Государство в целях защиты публичного порядка должно контролировать условия использования собственности, не допуская при этом нарушения имущественных *прав* частных лиц [17, с. 39].

Как пишет Н.В. Вильская, «Конвенция – основа деятельности Европейского Суда по правам человека – не только защищает само *право* собственности в классическом виде (владение, пользование, распоряжение), но и действует, когда нарушения *права* собственности, например, связаны с длительным неисполнением решения суда по имущественному спору, с излишним взысканием налогов и штрафов, с невозможностью для собственника пользоваться своим имуществом вследствие ухудшения экологической ситуации, с необоснованным лишением (ограничением) *права* наследования, со спорами между арендаторами и собственниками, с повреждением имущества во время военных операций и с другими схожими ситуациями» [9, с. 99–103].

Так, при рассмотрении дел «Handyside v. the United Kingdom» и «Marckx v. Belgium» Европейский Суд дал толкование понятия «имущество», уточнив, что «все различные термины относятся к концепции собственности в обычном смысле этого слова», именно это «означает частную собственность, как движимую, так и недвижимую»; по делу «Marckx v. Belgium» Европейский Суд высказал мнение, что ст. 1 Протокола № 1 может применяться только к существующему имуществу, но не к *праву* приобретать собственность [28, с. 231–270].

В целом вышеизложенный материал, на наш взгляд, дает основания утверждать, что процесс «расширения» экономических *прав* может иметь место де-юре и реализуется де-факто (существуют, что небез-

зынтересно, и очень своеобразные подходы к указанной проблематике, базирующиеся, например, на «экономическом анализе права» [13]). Так, ученые не без оснований отмечают, что «в состав экономических прав человека на современном этапе развития входит, среди прочего, право на участие в процессе принятия экономических решений, которое обеспечивает конституционную обоснованность принимаемых решений. Конкретными формами такого участия выступает институт оценки регулирующего воздействия, деятельность общественных палат, а также саморегулируемых организаций. Оформление этого права обусловлено спецификой инновационной экономики, которая предельно ускоряет темп общественной жизни, ставя на повестку дня вопрос о гибкости государственной власти» [29, с. 26–28].

Итак, ГК РФ обоснованно характеризуется как экономическая Конституция нашей страны, так же как и Основной закон (ч. 1 ст. 55 Конституции России гласит, что «перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина), гражданское законодательство может, в том числе, в зависимости от конкретной динамики развития общественных отношений детализировать анализируемые права. Аргументировать это суждение можно на основании обращения к ст. 2 ГК РФ, анализ которой позволяет утверждать, что она регулирует отношения, перечень которых дополняется (например, с 2012 г. это, в том числе, отношения, «связанные с участием в корпоративных организациях»); не ограничивает в контексте перспективных изменений этот перечень («регулирует... также другие имущественные и личные неимущественные отношения»).

В целом в гражданском праве проблема отсутствия понятия *экономической деятельности* отчасти «компенсирована» правовыми позициями Конституционного Суда России, который действовал по следующей схеме: «...запрос с требованием признания не соответствующим Конституции ограничений определенного вида

деятельности (носящий предположительно характер *предпринимательской деятельности*)» – «характеристика такой конкретной деятельности как «не предпринимательской», но «иной экономической деятельности». Таким образом, «общая конструкция» *экономической деятельности* именно в праве гражданском в целом, по крайней мере, определена в своих общих чертах.

В гражданском законодательстве отсутствие четкой дефиниции «экономическая деятельность» можно охарактеризовать как пробел в правовом регулировании, поскольку при фактически полном игнорировании этой категории в нормативных правовых актах Конституционный Суд России:

– только «разграничил» («в общих чертах») предпринимательскую и иную *экономическую деятельность*, но не сформулировал определение последней и не установил каких-либо критериев, позволяющих правоприменителю проводить такое разграничение в отношении неограниченного круга участников общественных отношений;

– действовал сугубо в рамках своих полномочий, т.е. исследовал вопросы о соответствии ряда нормативных правовых актов Конституции России, а не формулировал гражданско-правовые категории (впрочем, объективность требует констатировать, что в ряде случаев федеральный орган конституционного контроля фактически принимает на себя и такие функции.);

– не дал соответствующих указаний федеральному законодателю, что также осуществлял неоднократно («федеральному законодателю надлежит исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в настоящем Постановлении, внести в действующее правовое регулирование изменения, вытекающие из настоящего Постановления...»).

Конституционный Суд Российской Федерации, скорее всего, осознанно отказался от формирования «исчерпывающей» правовой позиции в отношении анализи-

руемой категории («иная») «экономическая деятельность», а также не дал соответствующих указаний в адрес законодателя, что это обусловлено, в том числе, тем обстоятельством, что юридическая характеристика самого понятия «экономика» (отсутствующее в Конституции России) находится лишь в стадии своего формирования. Аргументировать это суждение можно, например, на основании обращения к Указу Президента России от 18 июля 2008 г. № 1108 (ред. от 29.07.2014) «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации», где установлено, что «в целях совершенствования законодательных основ рыночной экономики» необходимо, в том числе, «дальнейшее развитие основных принципов гражданского законодательства Российской Федерации, соответствующих новому уровню развития рыночных отношений».

Список литературы:

- [1] Алексеев С.С., Алексеева О.Г., Беляев К.П. и др. Гражданское право / Под ред. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2016. Т. 1. – 511 с.
- [2] Андреев В.К., Андреева Л.В., Арсланов К.М. и др. Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности / Отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2016. – 340 с.
- [3] Ау Т.И. Социальные и экономические права человека и гражданина как основа социальной государственности (с учетом законодательства и практики Казахстана) // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 11.
- [4] Барков А.В., Габов А.В., Голубцов В.Г. и др. Гражданский кодекс Российской Федерации: Постатейный комментарий к главам 1–5 / Под ред. Л.В. Санниковой. М.: Статут, 2015. – 662 с.
- [5] Бахта А.С. Аналогия закона и аналогия права как способы восполнения пробелов при применении норм уголовно-процессуального права // Российский следователь. 2011. № 1.
- [6] Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1963.
- [7] Васканьянц Ю.Ю. О пробелах в законодательстве, регулирующем долевое участие граждан в строительстве многоквартирных домов // Российская юстиция. 2014. № 7.
- [8] Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: ЮрИнфоР, 2002.
- [9] Вильская Н.В. Роль Европейского Суда по правам человека в защите экономических прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2.
- [10] Гутерман А.Е. Деятельность хозяйствующих субъектов как собирательный элемент предмета антимонопольного регулирования // Конкурентное право. 2015. № 1.
- [11] Зайцева Е.С., Козловский П.В. Понятие «мнимые пробелы в праве» и роль мнимых пробелов в механизме правового регулирования // Современное право. 2015. № 7.
- [12] Казинская С.Н. Пробелы гражданского законодательства, способствующие совершению мошенничества в сфере потребительского рынка в отношении предпринимателей // Безопасность бизнеса. 2010. № 2.
- [13] Каранетов А.Г. Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 11, 12.
- [14] Кожокаръ И.П. Пробел законодательства как дефект механизма гражданско-правового регулирования // Власть Закона. 2016. № 2.
- [15] Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 04.11.1950 г. (с изм. от 13.05.2004) // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3.
- [16] Маковский А.Л. Обновление «экономической конституции» // ЭЖ-Юрист. 2009. № 14.
- [17] Максуров А.А. Защита права собственности в Европейском Суде по правам человека. М.: Инфра-М, 2014.
- [18] Микрюков В.А. О недопустимости установления и прекращения обременений гражданских прав по аналогии // Российская юстиция. 2014. № 3.
- [19] Мыскин А.В. Два очерка из области цивилистики. М.: Статут, 2015. – 72 с.
- [20] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2012 г. № 276-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Столяровой Натальи Андреевны на нарушение ее конституционных прав абзацем первым Перечня услуг транспортных, снабженческо-сбытовых и торговых организаций, по которым органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации предоставляется право вводить госу-

дарственное регулирование тарифов и надбавок, в системной связи с положениями Указа Президента Российской Федерации «О мерах по упорядочению государственного регулирования цен (тарифов)», а также пунктом 3 части 2 статьи 2 Закона Республики Саха (Якутия) «О наделении органов местного самоуправления в Республике Саха (Якутия) отдельными государственными полномочиями по государственному регулированию цен (тарифов)» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 5.

[21] *Останина Е.А.* Банкротство наследственной массы: пробелы гражданского законодательства и возможности их восполнения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 12.

[22] *Павликов С.Г.* К проблеме «экономической конституции» России // Современный юрист. 2016. № 2.

[23] *Поликарпов М.В.* Некоторые пробелы гражданского законодательства, регулирующие охрану чести, достоинства и деловой репутации // Современное право. 2015. № 11.

[24] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 2.

[25] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 мая 2010 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого статьи 2 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Н.И. Гущина» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 5.

[26] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 мая 2010 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого статьи 2 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Н.И. Гущина» // Сборник законодательства РФ. 07.06.2010. № 23. Ст. 2934.

[27] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2012 г.

№ 15-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Б. Деловой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 5.

[28] Решение Европейского Суда по правам человека по делу «Handyside v. the United Kingdom» № 5493/72) // <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx>; «Marckx v. Belgium» № 6833/74) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. М.: Норма, 2000.

[29] *Рузанов И.В.* Право на участие в процессе принятия экономических решений в российском конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 4.

[30] *Садиков О.Н.* Принципы нового гражданского законодательства СССР // Советское государство и право. 1991. № 10.

[31] *Самигуллин В.К.* Экономический потенциал конституции // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 4.

[32] *Синцов Г.В.* Проблемы в законодательстве о потребительском кредите // Российская юстиция. 2015. № 9.

[33] *Смирнов А.В.* Аналогия права и аналогия закона: критерии допустимости // СПС «КонсультантПлюс». 2009.

[34] *Федотов И.А.* Экономические права человека и гражданина в социальном государстве: современный опыт России: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

[35] *Яковлев В.Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. 2-е изд., доп. М.: Статут, 2006.

Spisok literatury:

[1] *Alekseev S.S., Alekseeva O.G., Belyaev K.P. i dr.* Grazhdanskoe pravo / Pod red. V.M. Gongalo. M.: Statut, 2016. Т. 1. – 511 s.

[2] *Andreev V.K., Andreeva L.V., Arslanov K.M. i dr.* Problemy' realizacii principov prava v predprinimatel'skoj deyatelnosti / Otv. red. V.A. Vajpan, M.A. Egorova. M.: Yusticininform, 2016. – 340 s.

[3] *Au T.I.* Social'ny'e i e'konomicheskie prava cheloveka i grazhdanina kak osnova social'noj gosudarstvennosti (s uchetom zakonodatel'stva i praktiki Kazaxstana) // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2015. № 11.

[4] *Barkov A.V., Gabov A.V., Golubcov V.G. i dr.* Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii:

Postatejny'j kommentarij k glavam 1–5 / Pod red. L.V. Sannikovoj. M.: Statut, 2015. – 662 s.

[5] *Baxta A.S.* Analogiya zakona i analogiya prava kak sposoby' vospolneniya probelov pri primenenii norm ugovovno-processual'nogo prava // Rossijskij sledovatel'. 2011. № 1.

[6] *Bratus' S.N.* Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo prava. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury', 1963.

[7] *Vaskan'yanc Yu.Yu.* O probelax v zakonodatel'stve, reguliruyushhem dolevoe uchastie grazhdan v stroitel'stve mnogo-kvartirny'x domov // Rossijskaya yusticiya. 2014. № 7.

[8] *Vas'kovskij E.V.* Civilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskix zakonov. M.: YurInfoR, 2002.

[9] *Vil'skaya N.V.* Rol' Evropejskogo Suda po pravam cheloveka v zashhite e'konomicheskix prav // Zakony' Rossii: opy't, analiz, praktika. 2015. № 2.

[10] *Guterman A.E.* Deyatel'nost' zozyajstvuyushhix sub»ektov kak sobiratel'ny'j e'lement predmeta antimonopol'nogo regulirovaniya // Konkurentnoe pravo. 2015. № 1.

[11] *Zajceva E.S., Kozlovskij P.V.* Ponyatie «mnimy'e probely' v prave» i rol' mnimy'x probelov v mexanizme pravovogo regulirovaniya // Sovremennoe pravo. 2015. № 7.

[12] *Kazinskaya S.N.* Probely' grazhdanskogo zakonodatel'stva, sposobstvuyushhie soversheniyu moshennichestva v sfere potrebitel'skogo ry'nka v otnoshenii predprinimatelej // Bezopasnost' biznesa. 2010. № 2.

[13] *Karapetov A.G.* Modeli zashhity' grazhdanskix prav: e'konomicheskij vzglyad // Vestnik e'konomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. 2014. № 11, 12.

[14] *Kozhokar' I.P.* Probel zakonodatel'stva kak defekt mexanizma grazhdansko-pravovogo regulirovaniya // Vlast' Zakona. 2016. № 2.

[15] Konvenciya o zashhite prav cheloveka i osnovny'x svobod. Zaklyuchena v g. Rime 04.11.1950 g. (s izm. ot 13.05.2004) // Byulleten' mezhdunarodny'x dogovorov. 2001. № 3.

[16] *Makovskij A.L.* Obnovlenie «e'konomicheskoy konstitucii» // E'Zh-Yurist. 2009. № 14.

[17] *Maksurov A.A.* Zashhita prava sobstvennosti v Evropejskom Sude po pravam cheloveka. M.: Infra-M, 2014.

[18] *Mikryukov V.A.* O nedopustimosti ustanovleniya i prekrashheniya obremeneniya grazhdanskix prav po analogii // Rossijskaya yusticiya. 2014. № 3.

[19] *My'skin A.V.* Dva ocherka iz oblasti civilistiki. M.: Statut, 2015. – 72 s.

[20] Opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 7 fevralya 2012 g. № 276-O-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby' grazhdanki Stolyarovoj Natal'i Andreevny' na narushenie ee konstitucionny'x prav abzacem pervy'm Perechnya uslug transportny'x, snabzhenchesko-sby'tovy'x i torgovy'x organizacij, po kotory'm organam ispolnitel'noj vlasti sub»ektov Rossijskoj Federacii predostavlyaetsya pravo vvodit' gosudarstvennoe regulirovanie tarifov i nadbavok, v sistemnoj svyazi s polozheniyami Ukaza Prezidenta Rossijskoj Federacii «O merax po uporyadocheniyu gosudarstvennogo regulirovaniya cen (tarifov)», a takzhe punktom 3 chasti 2 stat'i 2 Zakona Respubliki Saxa (Yakutiya) «O nadelenii organov mestnogo samoupravleniya v Respublike Saxa (Yakutiya) ot del'ny'mi gosudarstvenny'mi polnomochiyami po gosudarstvennomu regulirovaniyu cen (tarifov)» // Vestnik Konstitucionnogo Suda RF. 2012. № 5.

[21] *Ostanina E.A.* Bankrotstvo nasledstvennoj massy': probely' grazhdanskogo zakonodatel'stva i vozmozhnosti ix vospolneniya // Vestnik e'konomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. 2014. № 12.

[22] *Pavlikov S.G.* K probleme «e'konomicheskoy konstitucii» Rossii // Sovremenny'j yurist. 2016. № 2.

[23] *Polikarpov M.V.* Nekotory'e probely' grazhdanskogo zakonodatel'stva, reguliruyushhego oxranu chesti, dostoinstva i delovoj reputacii // Sovremennoe pravo. 2015. № 11.

[24] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 24 fevralya 2004 g. № 3-P «Po delu o proverke konstitucionnosti ot del'ny'x polozhenij statej 74 i 77 Federal'nogo zakona «Ob akcionerny'x obshhestvax», reguliruyushhix poryadok konsolidacii razmeshhenny'x akcij akcionernogo obshhestva i vy'kupa drobnny'x akcij, v svyazi s zhalobami grazhdan, kompanii «Kadet Isteblishment» i zaprosom Oktyabr'skogo rajonnogo suda goroda Penzy'» // Vestnik Konstitucionnogo Suda RF. 2004. № 2.

[25] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 25 maya 2010 g. № 11-P «Po delu o proverke konstitucionnosti abzaca desyatogo stat'i 2 Zakona Rossijskoj Federacii «O zanyatosti naseleniya v Rossijskoj Federacii» v svyazi s zhaloboj grazhdanina N.I. Gushhina»

// Vestnik Konstitucionnogo Suda RF. 2010. № 5.

[26] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 25 maya 2010 g. № 11-P «Po delu o proverke konstitucionnosti abzaca desyatogo stat'i 2 Zakona Rossijskoj Federacii «O zanyatosti naseleniya v Rossijskoj Federacii» v svyazi s zhaloboj grazhdanina N.I. Gushhina» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 07.06.2010. № 23. St. 2934.

[27] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 27 iyunya 2012 g. № 15-P «Po delu o proverke konstitucionnosti punktov 1 i 2 stat'i 29, punkta 2 stat'i 31 i stat'i 32 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanki I.B. Delovoj» // Vestnik Konstitucionnogo Suda RF. 2012. № 5.

[28] Reshenie Evropejskogo Suda po pravam cheloveka po delu «Handyside v. the United Kingdom» № 5493/72) // <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx>; «Marckx v. Belgium» № 6833/74) // Evropejskij Sud po pravam cheloveka. Izbranny'e resheniya. T. 1. M.: Norma, 2000.

[29] *Ruzanov I.V.* Pravo na uchastie v processe prinyatiya e'konomicheskix reshenij v rossijskom konstitucionnom prave // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2016. № 4.

[30] *Sadikov O.N.* Principy' novogo grazhdanskogo zakonodatel'stva SSSR // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1991. № 10.

[31] *Samigullin V.K.* E'konomicheskij potencial konstitucii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2015. № 4.

[32] *Sincov G.V.* Problemy' v zakonodatel'stve o potrebitel'skom kredite // Rossijskaya yusticiya. 2015. № 9.

[33] *Smirnov A.V.* Analogiya prava i analogiya zakona: kriterii dopustimosti // SPS «Konsul'tantPlyus». 2009.

[34] *Fedotov I.A.* E'konomicheskie prava cheloveka i grazhdanina v social'nom gosudarstve: sovremenny'j opyt' Rossii: Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. M., 2009.

[35] *Yakovlev V.F.* Grazhdansko-pravovoj metod regulirovaniya obshhestvenny'x otnoshenij. 2-e izd., dop. M.: Statut, 2006.

